

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Метафора в языке права: условия допустимости

Ярошук И.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
yaroshchuk@bsu.edu.ru

Аннотация. Язык права рассматривается автором в качестве самостоятельной регулирующей силы и репрезентанта правовых реалий. Лексический инструментарий языка права формируется не только из прямономинативных знаков, но и с помощью знаков вторичного семиозиса, а в частности метафоры. Цель работы – доказать, что метафора в языке права выступает в качестве средства юридической техники, что метафорические механизмы не чужды языку права, а понятийное содержание знаков вторичного семиозиса в правовых текстах самодостаточно для его адекватного соотнесения с объектом правового регулирования. Основными методами исследования явились лингво-юридический метод, логико-языковой метод, методы исторического анализа, функционально-стилистического анализа, контекстуального анализа. Анализ эволюции и трансформация научных взглядов на функциональную неоднозначность метафоры позволил определить основные функции метафоры в правовом документе, систематизировать особенности метафорического моделирования в языке права, сформулировать условия, при которых введение метафоры в язык права как ёмкой языковой формы, синтезирующей обширный информационный спектр, является допустимым и оправданным.

Ключевые слова: правовой язык, язык права, слово, метафора, метафорическое моделирование, гносеологическая функция, прагматическая функция

Для цитирования: Ярошук И.А. 2023. Метафора в языке права: условия допустимости. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(4): 726–734. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Metaphor in the Language of Law: Conditions for Admissibility

Inna A. Yaroshchuk

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
yaroshchuk@bsu.edu.ru

Abstract. In this article, the language of law is considered as an independent regulating force and a representative of legal realities. The language of law lexical toolkit is formed not only of direct nominative signs, but also with the help of secondary semiosis signs, and in particular – metaphor. The aim of the work is to prove that metaphor in the language of law acts as a means of legal technique, that metaphoric mechanisms are not alien to the language of law, and the conceptual content of the signs of secondary semiosis in legal texts is self-sufficient for its adequate correlation with the object of legal regulation. The main methods of research are linguistic and legal method, logical and linguistic method, methods of historical analysis, functional and stylistic analysis, contextual analysis. The article analyzes the evolution and transformation of scientific views on the functional ambiguity of metaphor; in particular, it defines the main functions of metaphor in the legal document, systematizes the features of metaphorical modeling in the language of law, formulates the conditions under which the introduction of metaphor in the language of law as a capacious language form synthesizing a vast range of information is valid and justified.

© Ярошук И.А., 2023

Key words: legal language, language of law, word, metaphor, metaphorical modeling, gnoseological function, pragmatic function

For citation: Yaroshchuk I.A. 2023. Metaphor in the Language of Law: Conditions for Admissibility. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(4): 726–734 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-726-734

Введение

Среди исследователей нет единой позиции относительно определения понятия «язык права». Вслед за Н.А. Власенко, отметим, что «правовой язык» и «язык права» не выступают в качестве синонимичных понятий, они организуются по модели родовидовых отношений. Поэтому правовой язык – это языковая система, характерная для юриспруденции в целом, а язык права – это знаковая система, создающая и соотносящая понятийное содержание с конкретными нормативно-правовыми актами и законами, то есть язык права является орудием выражения мыслей нормодателя в отдельных правовых документах [Власенко, 2022, с. 14–15], базисной лексической «подпиткой» которого является правовой язык. В качестве самостоятельного функционального стиля рассматривает язык права А.Н. Шепелев, определяя его результатом эволюции правовой науки [Шепелев, 2002, с. 4]. Именно язык, кодирующий информацию социальной значимости, задает интерпретационный вектор смыслового уровня нормативно-правового акта.

Институциональная специфика правового языка заключается в рационализации социальных отношений и их переводе в коммуникативное пространство нормативно-правовых актов с целью установления приемлемого для данного сообщества в настоящий временной этап консенсуса [Язык права..., 2021 с. 11]. Язык права является эталоном чёткости и ясности формулировок. Его специфика определяется явно выраженным, недвусмысленным представлением воли законодателя за счет нормативного употребления лексических средств русского языка. В основе функционирования языка права оказываются принципы его свободного формирования и развития согласно строгой корреляции формы и содержания норм права, точности используемого терминологического аппарата, что регламентируется нормативными языковыми требованиями. Данный тип информационного кодирования нивелирует противоречия, направляя все события и обстоятельства к единому закономерному результату, определяемому устойчивыми для данного общества социальными ценностями. Используемый правом языковой инструментарий способствует разрешению кризисных ситуаций и конфликтов посредством уравнивания позиций и установления социальной справедливости, что проецирует исполнительную силу правовому документу. Реципиенту, не обладающему профессиональными компетенциями или являющемуся носителем традиций другой лингвокультуры, ввиду возникающих терминологических, стилистических, грамматических и в целом когнитивных преград зачастую достаточно сложно понять и воспринять текст нормативного акта. Однако данное непонимание не является причиной освобождения от ответственности. В таких ситуациях в целях адекватного восприятия и интерпретирования текста документа необходимым оказывается содействие.

Начиная с момента создания нормативного акта, этапов принятия, вступления в законную силу и заканчивая прекращением действия юридической силы, всё существование правового документа сопровождается интерпретационной деятельностью, в которой участвует и законодатель (координация сведений, приведение к чёткости документа, синтезирующего события в форме юридического акта), и общество в целом, воспринимающее нормативные предписания через призму собственного правосознания и индивидуального опыта. С учётом современных социально-политических реалий наблюдаются тенденции динамического характера, связанные с изменениями и деформациями устоявшегося правосозна-

ния. Поэтому основной целью нормативного акта является достижение консенсуса в постоянно меняющемся мире, и отправной точкой на пути достижения данной цели будет его содержание, которое должно стремиться к гибкости и пластичности.

Язык выступает в качестве основного общесоциального средства юридической техники. От его нормативного использования зависит уровень правотворческих результатов. Выявляется прямая зависимость эффективности применения нормы права от её интерпретации, что определяет необходимость учёта со стороны законодателя при нормотворчестве доступности юридического документа для реципиента. Правовое содержание, которым законодатель наделяет разрабатываемое и моделируемое действие законодательного акта, должно быть выражено в соответствующей языковой форме, исключающей противоречивые, неоднозначные в семантическом плане конструкции и нагроможденную терминологию при сохранении аксиологической направленности смысловой нагрузки текста. «Регулирование эффективно только тогда, когда смысл правовых текстов представляется субъектам понятным, доступным и приемлемым. Но эти качества зависят не только от буквального содержания предписаний, их логико-грамматической стороны. Право как текст должно иметь определенное ценностное содержание» [Беляев, 2017, с. 7]. В этом отношении актуальным является суждение, высказанное ещё Г. В. Ф. Гегелем: «Развешивать законы так высоко, чтобы их не мог прочесть ни один гражданин, как это делал тиран Дионисий, или похоронить их в просторном научном аппарате ученых книг, сборников, отклоняющихся от решений, суждений и мнений, обычаев и т.п., да еще все это на чужом языке, так что знание действующего права становится доступным лишь тем, кто подходит к нему с достаточной образованностью, – все это неправомерно» [Гегель, 1990, с. 253].

Как известно, нормативно-правовой текст (текст права) обладает специфическими характеристиками, среди которых – отсутствие экспрессивности, связность и последовательность, точность и ясность, простота изложения, лаконичность и компактность [Власенко, 2022 с. 19–23]. А.С. Пиголкин в качестве особенностей языка законодательных актов определяет следующие:

- официальный характер, документальность;
- ясность и простота;
- максимальная точность выражения;
- экономичность языковых средств;
- логическая связность и последовательность изложения;
- экспрессивная нейтральность;
- динамический, а не статический характер;
- безличный, неиндивидуальный характер;
- формализация [Язык закона, 1990, с. 18–35].

В частности, когда исследователь рассуждает о такой характеристике языка нормативного текста, как экспрессивная нейтральность, имеется указание на необходимость со стороны законодателя избегать всех риторических и стилистических фигур – сравнений, метафор и т. д. «Художественные средства изображения, в принципе, чужды языку нормативных актов. Всё это делает его сравнительно скучным, бесцветным и однообразным, но это закономерно» [Язык закона, 1990, с. 29].

Троповая, в частности метафорическая, семантика правового языка является малоизученной [Байтева, 2013, с. 166]. На это обращают внимание М.В. Баранов и Н.А. Власенко, констатируя неразрешенность проблемы употребления метафоры в языке права [Баранов, Власенко, 2019, с. 13]. На современном этапе вопрос о возможности употребления метафоры в языке права стоит особо остро. Однако вслед за Н.А. Власенко отметим, что метафорические механизмы не чужды языку права и, как отмечает ученый, они просто остаются вне поля зрения исследовательского внимания и, более того, большинством отрицаются, но с этим «вряд ли можно согласиться» [Власенко, 2022, с. 51]. Действительно, метафорические механизмы находят свою реализацию в языковой материи

законодательных актов. В процессе человеческого мышления и познании окружающего мира доминирующую роль выполняют образные, метафорические механизмы. Более того, языковую систему в целом отличает превалирующее большинство полисемантов, нежели однозначных языковых единиц, образных лексем, нежели слов, лишённых образности. Даже самая привычная, «стёртая» метафора, будучи включённой в новый контекст, «оживает», развивая новые ассоциативные связи. В этом отношении язык права не является исключением. Адекватная реализация метафорической функции многозначных лексем в языке права обеспечивается строгими контекстуальными условиями, определяющими восприятие и интерпретацию необходимого смысла.

Анализ эволюции научных взглядов на функциональную неоднозначность метафоры

Для того чтобы доказать тезис о допустимости употребления метафоры в языке права, необходим анализ эволюции и трансформации научных взглядов на функциональную неоднозначность данного языкового феномена. Сама история изучения метафоры опровергает бытующую среди ряда современных исследователей её интерпретацию исключительно как художественного, эмоционально-эстетического средства постижения действительности. Уже в трудах Аристотеля имеется указание на возможность её использования не только как украшения языка и речи, но и как языкового средства для кодирования значений и смыслов [Aristotle, 2000, p. 25]. Средневековой философией рассматривалась познавательная значимость метафоры с позиций реализации ею гносеологической функции, когда метафора выступает в качестве инструмента познавательной деятельности [Ермоленко, 2001, с. 22].

Эпоха романтизма возродила философское осмысление метафоры в духе средневековой теологии. Идеи индивидуально-личностного, иррационального начала в процессах человеческого мышления превалируют над рационализмом и конструируют новый взгляд на метафору как неотъемлемый элемент языка и познания.

Философы-иррационалисты конца XIX века признали семиотическую значимость метафоры и её моделирующий потенциал, что привело к утверждению метафоры как неизбежного, одного из ведущих способов формирования и выражения мысли и самого мышления [Арутюнова, 2001, с. 12].

С началом XX столетия метафора всё чётче приобретает черты комплексного объекта исследования с позиций различных областей знаний. Хосе Ортега-и-Гассет рассматривал метафору не только как орудие мышления, но и как «форму научной мысли», утверждая, что «наука прибегает к метафоре, не более того, и не менее того» [Ortega y Gasset, 1990, p. 68]. Согласно исследователю, язык науки, оперируя абстрактными понятиями, как никакой другой язык, нуждается в метафоре. Именно метафора способна изолировать труднопостижимые для мышления абстрактные явления и придать им статус автономности. И её необходимость возрастает в зависимости от приближения нашей мысли к абстрактным категориям. Опирируя научной метафорой, наше сознание способно постичь и интерпретировать универсальное явление посредством доступного частного отношения.

Таким образом, научный текст определяет особенности самого процесса метафоризации, функции, цели метафоры, параметры её употребления. Наука актуализирует ранее не известный потенциал метафоры: посредством семиотической фиксации отвлечённых признаков объектов она выступает конструктивной составляющей в моделировании нового объекта, многофункциональная и многоаспектная метафора в языке науки реализует свой гносеологический потенциал.

Всё большее влияние на понимание метафоры оказывали логические концепции и теории, которые фокусировали научный интерес на логике метафоры и, прежде всего на тех признаках, которые дают возможность один языковой знак употребить вместо другого, что объективно расширяет границы исследования метафоры, выводя её за строгие гра-

ницы стилистики. Так, П. Рикёр рассматривал метафору как внестилевую языковую элемент, выступающий в качестве универсальной формы мышления, который, преодолевая границы внутренней структуры языка, выходит на экстралингвистический уровень ментальной реальности [Ricoeur, 1978, p. 153]. В русле данного направления исследует метафору А. Ричардс [Reinhardt, 1965, p. 44–66], называющий её «вездесущим принципом языка и мышления», без которого не может обойтись даже язык точных наук, потому что «метафорична сама мысль» [Reinhardt, 1965, p. 47]. Метафоризация является неотъемлемой составляющей самых высоких уровней научного абстрагирования.

Аналитическая философия и в частности когерентная концепция истины повлияли на формирование современной теории метафоры. Рассуждая об истинном знании, представители данного направления утверждали, что оно должно иметь внутреннюю упорядоченность, непротиворечивость, логическую правильность и корректность. Изначально знание о конкретном объекте, явлении должно коррелировать с системой знаний о мире в целом. В отношении научного знания – мысль является тогда истинной, когда она не противоречит фундаментальному знанию, существующему в науке. На языковом уровне критерием истинности высказываний выступает их непротиворечие высказываниям, априори интерпретируемым как истина. В свете данной теории метафора рассматривается как когерентно достоверная языковая структура, что обуславливает особую логику метафоры, в основе которой – внутренняя непротиворечивость её модели. Результаты исследований метафоры в свете когерентной концепции оказываются наиболее значимыми для изучения функционирования метафоры в науке, в частности правовой, именно в силу согласованности и непротиворечивости метафорической структуры, посредством которой познаются и затем вербально репрезентируются объекты и явления действительности.

Само понятие модели, изначально используемое в области естественных и точных наук в целях определения способа существования знания в виде виртуальной реальности, имеет гносеологический характер, и в силу развития научной мысли проецируется и на другие области знаний, среди которых гуманитарные, общественные науки. Формируемое посредством модели новое знание является инструментом исследования, фиксации, прогнозирования явлений, отношений. Язык как посредник между реальной действительностью и человеком выполняет моделирующую функцию, направленную на восприятие, хранение и передачу информации. Языковые модели репрезентируют два основных механизма когнитивного процесса – анализ и синтез. Компактной, интегративной языковой моделью является метафора, структурированная посредством идентифицирующих моделей, а именно схем-образов, когнитивных сценариев. Метафора выступает в качестве ключевого механизма в процессе кодирования и обработки информации языковым мышлением. Созданная с помощью метафорического механизма новая семиотическая модель синтезирует свойства основного и вспомогательного объекта [Fauconnier, Turner, 1998, p. 133–187].

В качестве первичной когнитивной синтезирующей модели реальности выступает метафорическая модель: «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [Lakoff, Johnson, 2003, p. 5–7]. Как уже было отмечено, метафора, преодолевая строгие границы языковой структуры, выходит на экстралингвистический уровень ментальной реальности, когда метафорический референт выступает в качестве проводника одного смысла в другой. В связи с этим метафора содействует символическому уровню права, предваряющему семантизацию мыслей и идей. Это наблюдается, согласно М. Ямпольскому, при пересечении такого общенаучного понятия, как репрезентация, и такой «неопределенной области, как политическое» [Ямпольский, 2004, с. 19]. Данная установка Т. Лукманом объяснялась триединством процессов экстернализации, объективации и интернализации идей, а именно: мыслительная генерация образов – научная объективизация образов – языковое воплощение

образов в реальность посредством понятий [Luckmann, 1992]. Человеческое мышление по своей сути концептуально и наряду с логическими, чувственно-эмоциональными составляющими включает и метафорические компоненты. В этом отношении не является исключением и юридическое познание, для которого метафорическое начало является неизбежным в силу необходимости постигать новое, необычное, неопределенное. Многие явления правовой действительности вызывают у реципиента затруднения в их понимании, поэтому метафорические модели конструируют известный языковому сознанию ракурс представления и восприятия новой понятийной сферы, формируя аналоговую виртуальную модель именуемых объектов и отношений.

Условия введения метафоры в язык права

Вслед за А.Ф. Черданцевым отметим, что метафора в языке права выступает в качестве средства юридической техники, когда её экспрессивная функция нивелируется гносеологическим потенциалом, определяющим статус метафоры в языке права в качестве термина и/или стереотипного выражения [Черданцев, 2012, с. 288–291]. В языковой системе права метафора занимает прочную позицию. Однако её основные функции – гносеологическая и прагматическая – вуалируют её образный план выражения, и метафора приобретает статус «стёртой». В процессе обыденного познания выбор метафорического выражения является осознанным, когда человек употребляет слово или словосочетание не в прямом номинативном значении. Что касается права, то «стёртые» метафоры прочно ассимилируются в его языковую материю, приобретая терминологический статус и воспроизводясь в качестве готовых фразеологизированных комплексов («юридическое лицо», «источник повышенной опасности» и др.). И тогда они «воспринимаются как средства юридической техники» [Черданцев, 2012, с. 289]. Ведущий гносеологический потенциал метафорических моделей в языке права проецирует конструирование понятий. «Именно гносеологическая функция метафоры в языке права способствует оперированию абстрактными понятиями, ориентируя на известный опыт и позволяя наделять конкретный предмет законодательной регламентации признаками, позволяющими его адекватно интерпретировать» [Ярошук, 2022, с. 605].

Прагматическая природа метафоры, в свою очередь, способствует достижению коммуникативной цели нормодателя с позиций её составляющих – мотива, цели и тактики, раскрывающих функциональные показатели метафоры в языковой материи права. Данные компоненты речевой интенции диктуют необходимость строгого отбора формы и содержания языковых единиц метафорического преобразования в целях достижения коммуникативного успеха, когда метафора будет способствовать моделированию правовых реалий в сознании реципиента. Абстрактность правовых понятий создает условия функционирования метафоры в языке права в силу её функциональной возможности и широкого семантического потенциала закреплять в своей структуре достаточно динамичную и многообразную правовую реальность. Метафора как средство познания позволяет рассматривать общественные отношения и их субъекты посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно. Метафора как когнитивный механизм перекодирует новые, ранее неизвестные понятия в понятия, легко поддающиеся осмыслению, обнаруживая прочную связь между абстракциями правовых реалий и социальной данностью. Несмотря на то, что ведущими функциями метафоры в языке права являются гносеологическая и прагматическая, образный план её выражения полностью не утрачивается, обеспечивая краткость и наглядность выражения мысли. Попадая в правовой контекст, метафора ассимилируется, приобретая новую языковую жизнь.

Информационная сущность метафоры проецируется особенностями её моделирования в языке права, к которым относятся следующие:

1) комплексность рационального и интуитивного начала в репрезентации правовых реалий: выбор образного плана осуществляется на интуитивном уровне, а логика высту-

пает в качестве его адаптивной основы относительно конкретного предмета законодательной регламентации;

2) контаминационная специфика метафорической модели, синтезирующей известный опыт, опорное знание и новые понятия;

3) вектором в определении подходящей языковой единицы в ходе метафорического моделирования выступает система ведущих для объекта правового регулирования признаков и ассоциативные связи, в целом формирующие образ объекта правовой регламентации. Интертекстуальный характер метафоры обуславливает её гармоничное включение в нормативный документ;

4) метафора формирует единую для нормодателя и реципиента когнитивную схему, где основой выступают общие фоновые знания, а целям адекватного восприятия и понимания значения метафоры служит сам контекст правового документа, в котором она реализуется.

Таким образом, к условиям введения метафоры в язык права относятся:

– отнесённость конкретной языковой единицы, подвергающейся метафорическому переосмыслению, к единым фоновым знаниям нормодателя и большинства реципиентов;

– абсолютное семантическое слияние метафоры с текстом правового документа и строгое контекстное закрепление, что исключит возможность её неоднозначного толкования;

– семантическое превосходство метафоры, повышающей степень познавательной доступности объекта по сравнению с прямономинативными языковыми знаками, особенно это актуально по отношению к ранее неизвестным правовым реалиям, свойства и признаки которых могут быть впервые гипотетически представлены лишь на основании уже имеющегося опыта, когда метафора как средство познания позволяет рассматривать неизвестное ранее явление или объект посредством системы, относящейся к иной опытной сфере, где данная составляющая представлена очевидно и наглядно;

– невозможность без использования метафоры максимально точно репрезентировать «юридически значимую деятельность, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» [Баранов, Власенко, 2019, с. 17].

Заклучение

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным утверждать, что, несмотря на достаточно высокую степень формализации, языку права, как и языку науки в целом, метафора не является чуждой. Метафора выступает не только языковым инструментом, наглядно репрезентирующим абстракции, глубинные свойства, состояния, процессы, но и базисом формирования научной терминологии. Метафоры концентрируют смыслы, обнаруживая новое, ранее неизвестное, заполняя лакуны языковой материи права. Использование метафоры в правовой науке определяют такие факторы, как точность, понятность, наглядность, безусловность и корректность. Метафора является незаменимым инструментом организации текста права в условиях отсутствия подходящего технико-юридического средства вербализации понятий и в том случае, если без неё невозможно репрезентировать с необходимой точностью правовые реалии, акцентировать ценность правовой новации, мотивировать модификации правовой политики.

При этом необходимо соблюдение языкового баланса на уровне использования не прямой номинации во избежание обратного адекватному пониманию коммуникативного эффекта, который способен вызвать трудности в интерпретации текста нормативного документа. Следовательно, введение метафоры в язык права как ёмкой языковой формы, синтезирующей обширный информационный спектр, должен в полной мере отвечать строгим критериям.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. 1990. Метафора и дискурс. Теория метафоры. Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз. Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., Прогресс: 5–32.
- Байтеева М.В. 2013. Язык и право. Казань, Отечество, 253 с.
- Баранов М.В., Власенко Н.А. 2019. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы. *Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2019, 1(45): 11–19.
- Беляев М.А. Денисенко В.В. 2017. Эффективность правового регулирования: поиск новых ответов на традиционные вопросы (предисловие к коллективной монографии). В кн.: Эффективность правового регулирования. Москва, Проспект: 3–10.
- Власенко Н.А. 2022. Язык права. Москва, Норма, ИНФРА-М, 176 с.
- Гегель Г.В. Ф. 1990. Философия права. Пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., Мысль, 524 с.
- Ермоленко Г.А. 2001. Метафора в языке философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 22 с.
- Черданцев А.Ф. 2012. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., ИНФРА-М, 320 с.
- Шепелев А.Н. 2002. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 23 с.
- Язык закона. 1990. Под ред. А.С. Пиголкина. М., Юрид. лит., 192 с.
- Язык права: доктрины, практика, тенденции развития. 2021. Под ред. М.Л. Давыдовой, М.Ю. Козловой. Москва, РУСАЙНС, 140 с.
- Ямпольский М. 2004. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., Новое литературное обозрение, 800 с.
- Ярошук И.А. 2022. Метафора в праве: методологические основания исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 26(3): 596–610.
- Aristotle. 2000. *The poetics of Aristotle*. A Translation by S.H. Butcher. The Pennsylvania State University, 40 p.
- Fauconnier G., Turner M. 1998. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22(2): 133–187.
- Lakoff G., Johnson M. 2003. *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press, 193 p.
- Luckmann T. 1992. *Theorie des sozialen Handelns*. Berlin-New York. 179 p.
- Ortega y Gasset José. 1990. Two Great Metaphors. Moscow, Progress, 511 p.
- Ricoeur P. 1978. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Feeling. *Critical Inquiry*, 5(1): 143–159.
- Reinhardt I. A. 1965. *The philosophy of rhetoric*. New York, Oxford University Press, 138 p.

References

- Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs. Teorija metafory [Metaphor and Discourse. Metaphor Theory]. Translated from English, French, German, Jena, Polish. In: The Introduction and Composition by N.D. Arutyunova; Ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskaya. Moscow, Publ. Progress: 5–32.
- Bajteeva M.V. 2013. Jazyk i pravo [Language and Law]. Monograph. Kazan, Publishing House Otechestvo, 253 p.
- Baranov M.V., Vlasenko N.A. 2019. Metafora v prave: metodologicheskaja opasnost' i perspektivy [Metaphor in Law: Methodological Danger and Prospects]. *Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(45): 11–19.
- Belyaev M.A., Denisenko V.V. 2017. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: poisk novyh otvetov na tradicionnye voprosy [Effectiveness of legal regulation: the search for new answers to traditional issues] (preface to the collective monograph). Effektivnost' pravovogo regulirovaniya. [The effectiveness of legal regulation]. Moscow, Publ. Prospect: 3–10.
- Vlasenko N.A. 2022. Jazyk prava [Language of Law]. Moscow, Publ. Norma. INFRA-M, 176 p.
- Hegel G.W. F. 1990. Filosofija prava [Philosophy of Law]. Moscow, Publ. Mysl, 524 p.
- Ermolenko G.A. 2001. Metafora v jazyke filosofii [Metaphor in the Language of Philosophy]: Ph. Candidate of Philosophy. Sciences. Krasnodar, 22 p.
- Cherdantsev A.F. 2012. Logiko-jazykovye fenomeny v jurisprudencii [Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence]. Moscow, Publ. INFRA-M, 320 p.

- Shepelev A.N. 2002. Jazyk prava kak samostojatel'nyj funkcional'nyj stil' [Language of Law as an Independent Functional Style: Abstract of the dissertation]: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Nizhny Novgorod, 23 p.
- Language of law. 1990. Edited by A.S. Pigolkin. Moscow, Publ. Yuridicheskaya literatura. 192 p. (in Russian)
- Language of the law: doctrines, practice, tendencies of development. 2021. Ed. by M.L. Davydova, M.Y. Kozlova. Moscow, Publ. RUSAINS, 140 p. (in Russian)
- Yampolsky M. 2004. Fiziologiya simvolicheskogo [Physiology of the Symbolic]. Book 1. Vozvrashchenie Levifana: Politicheskaya teologiya, reprezentaciya vlasti i konec Starogo rezhima [The Return of Leviathan: Political Theology, the Representation of Power and the End of the Old Regime]. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 800 p. (in Russian)
- Yaroshchuk I.A. 2022. Metafora v prave: metodologicheskie osnovaniya issledovaniya [Metaphor in Law: Methodological Foundations of Research]. RUDN journal of law, 26(3): 596–610.
- Aristotle. 2000. The poetics of Aristotle. A Translation by S.H. Butcher. The Pennsylvania State University, 40 p.
- Fauconnier G., Turner M. 1998. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 22(2): 133–187.
- Lakoff G., Johnsen M. 2003. Metaphors we live by. London: The university of Chicago press, 193 p.
- Luckmann T. 1992. Theorie des sozialen Handelns. Berlin-New York, 179 p. <https://doi.org/10.1515/9783110848922>
- Ortega y Gasset José. 1990. Two Great Metaphors. Moscow, Progress, 511 p.
- Ricoeur P. 1978. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Feeling. *Critical Inquiry*, 5(1): 143–159.
- Reinhardt I.A. 1965. The philosophy of rhetoric. New York, Oxford University Press, 138 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2023

Поступила после рецензирования 30.06.2023

Принята к публикации 22.09.2023

Received May 15, 2023

Revised June 30, 2023

Accepted September 22, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярошук Инна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inna A. Yaroshchuk, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Forensic and Criminalistics, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.